

0261

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Ребекка Уинтерз

ДЕВУШКА
«АМАЛЬФИ»

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Ребекка Уинтерз
Девушка «амальфи»

«Центрполиграф»

2011

Уинтерз Р.

Девушка «амальфи» / Р. Уинтерз — «Центрполиграф»,
2011 — (Любовный роман – Harlequin)

Медсестра Аннабел Марш получает предложение поработать фотомodelью в рекламной кампании итальянского спортивного автомобиля. Аннабел недавно пережила тяжелую драму, она надеется, что красoty Италии помогут ей забыться и восстановить душевное равновесие. Неожиданно она оказывается в одном доме с Луккой Каведзали, вернувшимся в родные места после ранения. Аннабел не может отказать ему в медицинской помощи, так же как не может сопротивляться возникшему между ними притяжению...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ребекка Уинтерз

Девушка «амальфи»

Глава 1

Аннабел Марш стояла в ванной у раковины. Что за женщина смотрит на нее из зеркала? Длинные до плеч блестящие волосы – такого блеска ей никак не удавалось достичь собственными усилиями. Глаза никогда не были такими фиалковыми, брови и ресницы – такими темными, а губы такими пухлыми. Легкий румянец светился на безупречной от макияжа коже. Ногти отполированы и покрыты прозрачным лаком.

Она – создание волшебниц. Марчелла из модного римского салона выбрала дизайнерскую одежду и драгоценности. Все это Аннабел будет носить во время фотосъемок в Италии, которые начались четыре дня назад на военной базе в окрестностях Рима. Там ее снимали на фоне истребителя «МБ-Випер Джет».

До сих пор все происходило очень весело.

– Три недели побудете девушкой «амальфи», – сказал ей Гвилио. – Мы с женой позаботимся о том, что вам было удобно. А потом – поскольку вы на этом настаиваете – вы сможете снова стать мисс Марш.

– Вы хотите сказать – мисс Марш с короткой памятью.

Она давно перестала скорбеть по поводу своего неудачного брака и последовавшего два года назад развода, после чего взяла обратно девичью фамилию. Но некоторая неуверенность в себе у нее осталась.

Гвилио выразительно поднял брови.

– Будь вы забывчивой, я бы не выбрал вас на свой самый важный проект в жизни.

– Я так и не могу понять, что вы во мне нашли, – покачала головой Аннабел.

– Мы с братьями, вся семья Каведзали, занимаемся созданием автомобилей со времен Второй мировой войны. Но придумал спортивный автомобиль «амальфи» – я. Это – дело моей жизни. Много лет он мне снился, его очертания, его линии, похожие на тело прекрасной женщины. А то, что скрывается под внешней оболочкой, в результате превращается в шедевр. И, увидев вас, я сразу понял, что наконец-то нашел то, что искал. – Шарма и жизнерадостности шестидесятилетнему итальянцу было не занимать. – Я собираюсь показать абсолютно новый изысканный дизайн в мире спортивных автомобилей.

Аннабел никогда не забудет тот день два месяца назад, когда этот энергичный человек пришел в калифорнийское агентство по продаже продукции фирмы «Амальфи» в Лос-Анджелесе. У него и ее босса Мела Джардина, владельца агентства, которое продавало большую часть автомобилей «амальфи» в Соединенных Штатах, были неотложные дела – Гвилио запускал производство нового эффектного спортивного автомобиля.

Аннабел работала личной помощницей Мела и поэтому взяла на себя заботы о Гвилио. Он настоял на том, чтобы она присутствовала на всех их длительных встречах и был с ней так внимателен, что она уж подумала, не заинтересовался ли ею этот женатый мужчина. Но он быстро рассеял ее сомнения в этом отношении, хотя смутил совсем другим – он сказал в присутствии Мела, что хотел бы, чтобы Аннабел стал моделью для рекламы новой машины.

Она вначале лишь засмеялась. Но он бросил на нее многозначительный взгляд.

– Я совершенно серьезен. Весь год я искал подходящую женщину, хотя не представлял себе ни определенного лица, ни фигуры. Я знал лишь, что в один прекрасный день она появится, и я сразу ее узнаю. – Он пристально смотрел на Аннабел. – И вот появились вы, и вы выглядите так, как должна выглядеть девушка «амальфи». Вы – единственная и неповто-

римая, так же как и мой автомобиль. Мел подтвердит, что я никогда прежде не использовал для рекламы моделей женщину.

– Я польщена и, право, не знаю, что сказать, мистер Каведзали.

– Прошу вас, называйте меня Гвилио.

– Хорошо. Гвилио. Но почему вы решили пригласить женщину? – Аннабел не скрывала любопытства. – Ваша реклама – самая привлекательная из всех в автобизнесе.

Он сложил ладони вместе и сказал:

– Приятно слышать, но я хочу, чтобы эта рекламная кампания стала сенсацией. В честь моего замечательного мальчика. – По теплым ноткам в его голосе Аннабел поняла, как сильно он любит своего сына.

– Лукка поступил в военное училище в восемнадцать лет, стал летчиком-испытателем. У него много наград. – Глаза Гвилио подернулись влагой. – Он – моя гордость и радость. Я назвал свой последний автомобиль «Амальфи МБ-Випер», чтобы он знал, как я восхищаюсь его достижениями.

Теперь она поняла – он назвал новый спортивный автомобиль в честь реактивного истребителя, на котором летал его сын.

Гвилио выжидательно смотрел на Аннабел.

– Я хочу, чтобы ваши портреты украсили брошюры, рекламу в журналах, видеоклипы и календарь, который я намерен издать, чтобы отметить запуск в производство автомобиля. Каждому агентству «Амальфи» по всему миру будут высланы постеры и календари, чтобы создать оживление среди будущих владельцев спортивных автомобилей «амальфи». Для вашей безопасности я обеспечу охрану на каждой съемке.

Когда Аннабел обрела дар речи, то сказала:

– Вы оказываете мне честь, предлагая участвовать в таком проекте.

Кое-кто, например бывший муж Райан, тоже потеряет дар речи, когда увидит ее фотографии в календаре. Райан мечтал приобрести броский спортивный автомобиль после окончания ординатуры. Да он с ума сойдет, лишь взглянув на «Амальфи МБ-Випер». А что с ним будет, когда увидит свою бывшую жену, сидящую в этой машине в шелках и драгоценностях?

После их свадьбы он не пропускал ни одной новой медсестры в госпитале, где Аннабел заканчивала практику для получения диплома. Его любовные интрижки ранили ее в самое сердце. Случайное знакомство с Мелом, который в то время лечился в кардиологическом отделении, привело к тому, что она согласилась работать у него. Это избавило ее от необходимости пребывать в атмосфере страданий, которые она хотела оставить в прошлом и забыть.

А теперь в нее поверил Гвилио, нашел ее достаточно привлекательной для своей рекламной кампании, что придало ей еще больше уверенности, столь необходимой для ее заниженной самооценки.

– Вы будете жить у меня дома, с моей женой Марией и со мной. Мне не терпится познакомиться с вашими братьями и двумя женатыми пасынками, которые работают со мной вместе. Они все живут по соседству.

Я с радостью со всеми познакомлюсь, но я не могу навязываться вам и вашей жене.

– Хмм. Вижу, что вы такая же упрямая, как и мой сын. Хорошо. Я устрою вас в лучшем отеле в Равелло.

– Никаких отелей. Если уж мне повезло пожить в Италии, я хочу остановиться в каком-нибудь скромном домашнем пансионе подальше от людей, где будет тихо и я смогу погрузиться в местную ауру.

Гвилио повернулся к Мелу:

– Вы не возражаете отдать мне ее на время? Это же ради дела.

Мел улыбнулся:

– Нет, не возражаю при условии, что вскоре получу ее обратно. Я не могу без нее обходиться. Она – причина того, что у меня больше не было сердечных приступов.

Гвилио хлопнул себя по голове.

– *Cielo!*¹ Нам это совсем не нужно.

Все трое засмеялись.

Итак, два месяца назад она согласилась стать моделью. Теперь, после первых четырех дней в Риме, ее повезли в Равелло, родное гнездо семьи Каведзали и автомобилей «амальфи», чья красота была такой же захватывающей, как и само побережье Амальфи.

Равелло больше походил на гигантский сад, чем на город. У Гвилио здесь имелась собственная вилла. Он называл Равелло жемчужиной полуострова Соррентино. Не только обычных людей, но и принцев, кинозвезд и шейхов привлекали колоритные деревушки, лепившиеся к крутому обрыву, и сверкавшие огнями пристани на всемирно известном итальянском побережье.

Для Аннабел это стало первым отпуском после медового месяца в Мексике четыре года назад. После того как она высказала Гвилио свое желание остановиться в одном из очаровательных домиков, которые она видела в кино, он поселил ее здесь, в доме на небольшой ферме, который его первая жена оставила их сыну Лукке. Дом пятнадцать лет пустовал.

Стены снаружи были апельсиново-розовые с зелеными ставнями. Единственная дверь в дом находилась сбоку и вела на кухню. После суматошного Рима Аннабел приходила в восторг от тишины и покоя.

Терраса выходила на побережье Тирренского моря, массы белых маргариток окружали ее. Дом как будто стоял внутри корзины с цветами. Ей не терпелось дожидаться утра, чтобы осмотреть все кругом до приезда в одиннадцать часов водителя.

Раздевшись, она встала под душ. Как приятно вымыть голову и выйти из-под струй воды свежей и обновленной после долгой дороги. Когда волосы подсохли, она заколола их на макушке. Взгляд в зеркало доказал ей, что девушка «амальфи» на сегодняшнюю ночь исчезла.

Можно ли считать себя в двадцать шесть лет настолько молодой, чтобы тебя называли девушкой? И скрыл ли дневной макияж, наложенный умелыми руками, следы обманутой жены? Камера наверняка скажет правду. Но Гвилио верил в то, что делает. Он верит в нее. Он ей очень симпатичен, и она полна решимости поспособствовать тому, чтобы рекламная кампания завершилась успехом.

Когда Лукка узнает, что отец сделал ради него, он будет тронут до глубины души. Гвилио похож на любящего родителя, который положил под елку заветный подарок для своего ребенка и не может дождаться, когда тот развернет обертку.

Еще только июнь. Аннабел не представляла, как Гвилио дотерпит до августа, когда автомобиль наконец выставят в демонстрационном зале. Срок приурочен к следующему отпуску сына, и торжественное представление автомобиля произойдет в Милане. Это знаменательное событие будут освещать итальянское телевидение и другие средства информации.

– Это будет грандиозно! – взволнованно заявлял Гвилио. – Достойно моего Лукки.

Аннабел пыталась представить себе его неженатого сына. Интересно, обладает ли он энергичностью и шармом своего отца? Любопытство ее росло. Гвилио рассказал, что у него на вилле в кабинете полно фотографий сына в разные периоды жизни. В том числе и последнее, где запечатлен Лукка, когда он получает награды. Ей очень хотелось увидеть это своими глазами.

Потянувшись, она улыбнулась, все еще не веря, что находится в самом восхитительном месте на земле. О возвращении домой думать не хотелось.

---

¹ О небо! (ит.). (Здесь и далее примеч. пер.)

Почистив зубы, она выключила свет и прошлепала босиком по коридору с балками на потолке в большую из двух спален, которая была приготовлена для нее. Старый дом дышал уютом: семейные фотографии, старинная мебель... Сколько же историй хранят эти стены!

Аннабел улеглась под одеяло двуспальной кровати. Опустив голову на подушку, она удовлетворенно вздохнула и закрыла глаза – она и не подозревала, что настолько устала. Хорошо бы распахнуть окна в такую прекрасную июньскую ночь, но Гвилио советовал ей этого не делать.

– Лишняя предосторожность не помешает.

Аннабел понимала – он прав.

– Завтра после съемок я дам вам машину, чтобы вы могли ездить куда захотите.

– Спасибо вам за все, Гвилио. Вы вознесли меня на небеса.

– Равеллю совсем близко к небесам. Звоните, если вам что-нибудь понадобится. Спокойной ночи, Аннабел. *Ciao*².

– *Ciao*.

Почему у нее такое ощущение, что любовь и смех наполняли этот дом всегда?

Лукка Каведзали решил, что дальше пойдет пешком, и велел шоферу остановить машину.

Над головой светила полная луна. Тот, кто увидит его в два часа ночи, подумает, что он вторгся в чужие владения. Он огляделся. Теплый аромат ветра вернул его в прошлое – пахло апельсинами в цвету, и он вспомнил свои детские годы, когда была жива мать.

После ее смерти жизнь изменилась. Отец стал совсем другим, а вскоре женился на вдове, у которой были двое сыновей. В четырнадцать лет Лукка не смог простить отца за это и замкнулся в себе. Заниматься семейным автомобильным бизнесом, как его сводные братья и кузены, ему не хотелось, поэтому в восемнадцать лет он поступил в военное училище. Дедушка Лоренцо воевал во время Второй мировой войны, и Лукка считал старого фермера героем, мечтая тоже отправиться на войну.

Решение стать военным вызвало серьезную размолвку между ним и отцом, который кричал, что Лукке может не повезти, как его деду, и он может вообще не вернуться домой. Но ничто не могло разубедить Лукку. Хотя по мере того, как он вырос и на собственном опыте узнал, что такое война, он стал понимать страхи отца за его жизнь и безопасность. И еще он понял, наконец, что Гвилио нуждался в любви и теплых отношениях после того, как потерял жену.

Лукка уже давно избавился от своих подростковых обид. С годами размолвка между ним и отцом забылась, и он даже полюбил свою мачеху. Она хорошо относилась к отцу, для которого самое главное в жизни была его работа – автомобильная компания «Амальфи».

Если и было что-то, о чем Лукка сожалел и чувствовал вину, это то, что он не был рядом с отцом последние пятнадцать лет. Но психиатр в госпитале обговаривал с ним эти проблемы, а также синдром «вины выжившего». Врач сказал ему, что большинство военных страдают от похожих проблем.

Но была одна проблема, с которой Лукка не хотел столкнуться, и возникла она во время его последнего отпуска. Он узнал, что отец собирается продавать земельные участки, оставшиеся после смерти матери Лукки. Участки были заброшены, поскольку за ними никто не ухаживал. Лукка тут же высказал желание их приобрести. Отец посмотрел на него как на помешанного. Если Лукка хочет сделать какие-то денежные вложения, то лучше купить собственность в городе, заявил Гвилио. Он был практичным и считал, что его мнение окончательное и обсуждать больше нечего. Лукка решил оставить вопрос открытым, а не пускаться в спор, как они

---

² До свидания (*ит.*).

часто делали раньше. Все, о чем он попросил, это чтобы отец ничего не предпринимал с участками, пока он не придет домой в свой следующий отпуск в августе.

Но после их последней встречи жизнь Лукки круто изменилась.

Спустя четыре месяца он был сбит во время полета, и это положило конец его военной карьере. Гвилио не знал об этом, не знал, что Лукка ранен и находится в госпитале.

Лукка представлял, как отец будет страдать, узнав об этой трагедии. Поэтому Лукка приложил все возможные усилия, чтобы эти сведения не дошли до отца ни через военное начальство, ни через докторов.

Завтра он появится в отцовском доме, хорошо выспавшись. И когда боль отступит. Он хотел чувствовать себя отдохнувшим, когда скажет Гвилио о своих планах, о том, что собирается стать фермером. Вполне возможно, что он встретится с тем же отрицательным отношением, как и несколько лет назад, но попытаться надо.

Еще до того, как ему исполнилось восемнадцать, Лукка говорил с отцом о том, что хочет стать фермером, но Гвилио лишь замахал руками:

– Для семьи твоей матери это подходило, но мой сын не будет заниматься подобной работой! Ты – Каведзали, и у тебя голова по-другому устроена! Наша семья производила автомобили начиная со Второй мировой войны. Велика честь быть фермером, всегда зависеть от погоды и вкалывать день и ночь! Нет, Лукка. Послушай своего отца!

После подобной тирады Лукка затаил в душе свою мечту и вместо того, чтобы вступить в отцовский бизнес, после окончания школы выбрал военное поприще. Он сделал это не потому, что хотел насолить отцу – просто для того, чтобы осуществить свои планы, необходимо заработать достаточно денег. Он решил заниматься тем, что ему по душе, и стал летчиком-испытателем.

И вот сейчас он намерен возродить ферму. Владея фермой и двумя участками, которые были дороги ему как память о матери, он смог бы положить удачное начало.

В госпитале у него было много времени для размышлений. Он надеялся, что, когда затронет эту тему в разговоре с отцом, Гвилио смягчится и услышит доводы сына. Хотя сомнения у него все же были. Лукка уже готовился к лекции, похожей на ту, которую отец прочитал ему много лет назад. Но на этот раз Лукка не позволит себя разубедить, к тому же он никуда не уезжает. А если отец не захочет продавать собственность, тогда Лукка готов купить другие участки земли. Последние четыре месяца он изнывал от бездействия, и у него чесались руки от желания заняться земледелием.

Посмотрев на часы, он направился к дому. Каждый шаг давался ему с трудом. До ранения – которое могло стоить ему потери ноги – он преодолел бы крутой склон между апельсиновыми и лимонными деревьями без труда.

Он шел по неровной дороге и с неудовольствием отмечал, как все заросло. Если бы была жива мать, то она расплакалась бы, увидев такое запустение. Наверное, и хорошо, что он лишился ее в детстве и она не увидит, как он калекой возвращается домой. Ему всего тридцать три, а вид у него далеко не блестящий. И ферма выглядит так же. Но он все изменит, с согласия отца или без оного.

Он доковылял до боковой двери, ведущей в дом, вытащил связку ключей, открыл замок и вошел.

Он вернулся на ферму, на свою землю обетованную.

Первое, что бросилось в глаза, – это отсутствие пыли. Он платил местной жительнице за то, чтобы она время от времени убиралась в доме, и был рад, что она это делала. Он с облегчением опустил вещевой мешок на выложенный плиткой пол на кухне. Казалось, мешок весит тонну, не меньше. Хромая, он прошел по коридору мимо гостиной. Ему не нужно зажигать свет, чтобы найти свою спальню. Все на своих местах, как будто открылся отсек и он попал в другое время.

Он подошел к окну и раскрыл ставни. Лунный свет проник в комнату и осветил двуспальную кровать без постельного белья и покрывала. Потом распахнул окно, впусив свежий воздух. Пока он стоял, вдыхая сладкий аромат фруктов и цветов, боль в ноге усилилась. Пластина, которой хирург скрепил сломанную бедренную кость, причиняла ему боль, когда он уставал. Ему необходимо болеутоляющее и долгий сон.

Diavolo! Переход от машины до дома оставил его почти без сил, но придется вернуться на кухню.

Он вспомнил, что где-то в шкафу среди любимых вещей должна быть дедова трость. Дед со стороны матери лишился ноги до колена, и ему потом сделали протез.

Лукка порывлся внутри шкафа и обнаружил трость. Вот уж не думал, что настанет день, когда она ему пригодится. *Grazie a Dio*, что он не потерял ноги.

Опираясь на фамильную реликвию, он вернулся на кухню, где оставил свой вещевой мешок, открыл пузырек с таблетками, сунул таблетку в рот, открыл кран и, нагнувшись над раковиной, запил водой. Вода была очень вкусная.

Теперь остается только принять ванную, а потом – провалиться в благодатный сон.

Он тяжело оперся на трость. Еще несколько шагов и... И в ту же секунду трость скользнула по плиткам пола под его весом, и он рухнул вниз.

Тяжелый глухой звук раздался в коридоре, затем послышался крик вперемешку с неразборчивыми ругательствами на итальянском. Аннабел рывком села на кровати. Кто-то – мужчина – в доме, и он упал. Это не мог быть Гвилио. Он бы позвонил, если почему-либо собрался приехать. Может, это сторож, о котором Гвилио забыл ее предупредить?

Сердце бешено колотилось где-то в горле. Аннабел встала с кровати и, набросив халат, подошла к двери. Когда она открыла дверь, то при свете луны из окна другой спальни увидела очертания фигуры человека, пытавшегося подняться с колен.

Поняв, что незваный гость ушибся или поранился, она осмелела и, нащупав выключатель, повернула его. Темноволосая голова повернулась в ее сторону, и она увидела красивое мужское лицо, искажившееся от боли. Аннабел схватила трость, лежавшую в нескольких метрах от него, и угрожающе замахнулась.

Я не знаю, кто вы, – сквозь зубы произнесла она. – Возможно, вы не говорите по-английски, но предупреждаю – стоит вам двинуться, и я ударю вас палкой. – Она шагнула к нему.

– Вы застали меня врасплох, синьорина.

Это было сказано низким голосом на чистом английском, правда, с небольшим итальянским акцентом. Ему, скорее всего, лет тридцать пять. Он несколько не смущен и не испуган, и даже несмотря на то, что он лежит на полу, от него исходит сила и властность. Нет, он не сторож.

– Синьор, вы вторглись в чужой дом.

Ему удалось приподняться и опереться спиной о стену. Черная футболка обтягивала широкую грудь. Длинные ноги в джинсах. Мускулистые бедра. Он, кажется, очень высок.

– Я мог бы сказать то же самое, синьорина. Человек вправе вернуться в собственный дом и рассчитывать на то, что здесь никого нет.

Она сделала для храбрости глубокий вдох.

– Мне известно, что в этом доме много лет никто не жил.

Он опустил веки. Капельки пота выступили у него на лбу и на верхней губе. Она почувствовала к нему жалость, но лишь на мгновение, потому что он сказал:

– Тем не менее это мой дом. А что вы здесь делаете?

– Это вы сюда вломились, – возмутилась она. – И вопросы задаю я. Прежде всего, я хочу взглянуть на ваше удостоверение личности.

– У меня его нет при себе.

– Я так и думала.

– Оно на кухне.

– Ну, разумеется, – насмешливо продолжала Аннабел. – А если я спрошу ваше имя, вы мне соврете. Пусть с вами разбирается полиция.

При этих словах незнакомец открыл глаза и посмотрел на нее из-под чернильно-черных ресниц.

– Как печально, что вы уже такая обозленная.

– Уже?..

– Ну, вы ведь не замужем. – Он бросил взгляд на ее пальцы без колец. – Обычно разочарование приходит к женщине лет в сорок. Так, по крайней мере, я считаю.

– И чтобы это понять, надо быть сломленным сорокалетним циником? Ваши обширные познания в этом вопросе, кажется, не принесли вам много пользы. На вашем пальце также нет обручального кольца. Да и ободка нет, что доказывало бы, что вы когда-то его носили. Вам, синьор, нужен ходунок, чтобы не поскользнуться, а не трость.

У него напряженно сжался рот. Она не поняла: то ли задела его за живое, то ли ему очень больно.

Мужчина бросил на нее косой взгляд.

– Признайтесь: вы – туристка без гроша в кармане, денег на комнату в гостинице у вас нет, поэтому вы порыскали по окрестностям и набрали на этот пустой дом.

Обвинение задело ее не на шутку.

– И что из этого следует? Предположим, я туристка, но вы-то поступили точно так же: дождались полночи и нашли укромное место, где можно зализать раны.

– Вы хотите сказать – как бездомная собака? – огрызнулся он.

Она увидела, что у него побелели губы. Хватит взаимных оскорблений. Она смягчилась.

– Я здесь в гостях. Я Аннабел Марш. А как вас зовут?

Он прижался головой к стене.

– Вас это не касается, – последовал резкий ответ.

Он закрыл глаза, а она поспешно вернулась в спальню и схватила с тумбочки у кровати сотовый. Когда она вернулась обратно, то глаза мужчины были открыты.

– Что вы собираетесь делать? – властным тоном спросил он.

– Я звоню Гвилио Каведзали, моему шефу. Уж он-то решит, как с вами поступить.

– Нет, не смейте! – Он рванулся вперед, опрокинул ее, и она оказалась у него между ног.

Трость отлетела в угол коридора. Он выхватил у нее телефон и отбросил еще дальше. Аннабел ощутила у себя на шее теплое дыхание.

Я не желаю, чтобы вы звонили ему так поздно.

Он знаком с Гвилио? Кажется, фамилия Каведзали что-то для него значила. Она придала голосу твердость.

– Чего вы хотите?

– Чтобы меня никто не видел этой ночью. Одно лишь ваше слово может меня погубить.

– Подозреваю, что, если вас и разыскивает полиция, вы мне об этом не скажете.

Он как-то странно хмыкнул:

– Меня никто не разыскивает. Но ближе к делу. Сколько времени вы здесь уже живете?

Она чувствовала спиной стук его сердца.

– Я приехала в Равелло только этим вечером.

– Когда вы увидите своего шефа снова?

– Он придет за мной машину завтра в одиннадцать утра. Возможно, я увижу его позже днем.

– Чем именно вы занимаетесь?

Этот человек, вломившийся в дом, судя по всему, знает намного больше, чем она думает, но она не собиралась рассказывать ему про Гвилио. Пока что незнакомец одержал над ней верх, и к тому же она находится в его цепких руках. Что ей остается, как не ответить ему, но сообщить лишь малую толику правды о Гвилио? Фамилия Гвилио олицетворяет собой «Амальфи» и известна по всей Италии.

– Я временно у него работаю.

– Почему не живете в гостинице или на квартире?

– Я попросила его найти мне фермерский дом, где сдают комнаты. Что может быть прекраснее итальянской деревни? Тогда он предложил мне остановиться здесь. Я словно вошла в картинку на цветном календаре с видами Италии. И уходить отсюда мне не хочется.

– Очень интересно, – ответил он, явно ей не веря.

Она резко выдохнула:

– Теперь, когда я ответила на все ваши вопросы, будет честно, если вы ответите на один мой вопрос. Кто вы?

– Лукка Каведзали, – простонал он.

– О нет! – вырвалось у нее.

Это – единственный сын Гвилио, его обожаемый сын. Гордость и счастье отца.

Если она расскажет ему, в чем именно состоит ее работа, то испортит сюрприз, который отец задумал для него еще год назад.

Она посмотрела на Лукку другими глазами. Да, они похожи. Одинаково сложены, хотя Гвилио не такой высокий. И черты лица у них немного похожи, а черные волосы Лукка, должно быть, унаследовал от матери. Гвилио ни разу не упомянул о том, что его сын был ранен.

Аннабел попыталась отодвинуться от него, но он крепко ее держал.

– Из-за вас, синьорина, все мои планы на сегодня провалились к чертовой бабушке, как любите говорить вы, американцы.

– Вы правы! Мы действительно любим так говорить, – сердито прошипела она. – Позвольте мне поблагодарить вас, синьор. Ваше неожиданное ночное вторжение нарушило и мои планы тоже. Если вы сообразовываете меня отпустить, я позвоню и вызову такси. Через полчаса меня здесь не будет.

Но как она объяснит Гвилио, почему решила переехать в гостиницу? Вот ужас. Ей придется сочинить вразумительное оправдание, но об этом она подумает позже.

– Уедете зализывать свои раны? – пробормотал он.

– Вас это не касается.

– Боюсь, касается. Но выгонять вас сегодня ночью я не собираюсь, если, конечно, вы готовы пойти на мои условия и до утра держать в секрете то, что я здесь.

Пойти на его условия? Ну и ну.

– Вы просите слишком многого от вашей заключенной. – Аннабел снова попыталась вырваться из железных тисков его рук, но безрезультатно. Может, он и ранен, но, черт, какой же сильный.

Я в отчаянном положении.

– Я заметила. Почему вы не хотите, чтобы ваш отец узнал, что вы вернулись?

– Вернулся откуда, синьорина?

– Он говорил, что вы на военной службе. – Аннабел нервно облизала губы. – Вы, вероятно, приехали в отпуск?

– Это также не ваше дело.

– Хорошо, – согласилась она, не зная уже, как с ним говорить. – Вы правы, но я вижу, что вы мучаетесь от боли. Вам необходимо лечь в постель.

– Я как раз туда и шел. – Его речь сделалась замедленной, и она поняла, что начал действовать какой-то сильный анальгетик, который он успел принять.

– Ваша постель не приготовлена, так что придется воспользоваться моей.

– Согласен, но только чтобы вы были в поле моего зрения. Оставшуюся часть ночи мы проведем на одной кровати. Я хочу быть уверен, что вы до утра на меня не донесете.

Это прозвучало как приказ. Но она не стала спорить.

– Замечательно. Если позволите мне встать, я помогу вам подняться. И тогда вы сможете опереться на меня. Моя спальня рядом.

Он отпустил ее, уперся одной рукой в стену, а другой крепко сжал ей плечо. Она догадалась, что будь он один, то не удержался бы от крика. Вместе они пошли в ее спальню. Он опирался на нее, и, если бы им пришлось идти дальше по коридору, она не выдержала бы его тяжести.

Каким-то чудом они добрались до кровати. Он повалился на бок, увлекая ее за собой. Она упала спиной, чувствуя, как его рука замкнулась у нее на запястье. Наконец, он устроился на подушках и с облегчением выдохнул.

Когда она поддерживала его, пока они шли, его темная щетина задела ей щеку. Несомненно, он был в пути очень долго, а возможности побриться и помыться не представилось. Она понимала, что усталость и принятое им лекарство от боли вскоре погрузят его в сон.

Она лежала рядом с ним. Сна – ни в одном глазу. В ее жизни не было мужчин, после того, как она развелась с Райаном. Сейчас в голове полный сумбур. Повернувшись к ней лицом, лежит сын Гвилио. Фантастика какая-то. Может, это все же сон?

– Не бойтесь, – пробормотал Лукка, видно полагая, что читает ее мысли. Я не воспользовался бы своим положением, даже если бы и захотел. А я не хочу.

Его слова могли бы ее уколоть, но она прошла через такой ад, что у нее не было ни малейшего желания повторить это.

– Тогда нам обоим повезло, потому что, уверяю вас, грубый, нервный, небритый представитель мужского пола, который пролез в дом под покровом темноты, не является идеалом для женщины, – язвительно ответила она, поскольку его замечание все же ее задело.

Он издал звук, похожий на смех, но ей было безразлично. Он через пару минут отключится, и, как только ослабит пальцы, она встанет, найдет чистое белье в шкафу, что стоит в коридоре, и приготовит себе другую постель.

– Ваша подушка пахнет земляникой.

Этого она совсем не ожидала. Да вообще все, что он говорил или делал, заставляло ее врасплох.

– Наверное, это от шампуня – наволочка еще не высохла. Я принесу вам другую.

Он удержал ее.

– Мне это нравится. – Слова прозвучали невнятно.

– Вы можете меня отпустить. Я не собираюсь выдавать ваш секрет.

– А почему нет? – последовал неожиданный вопрос. – Такого рода поступки характерны для женщины.

Если он взялся ее злить, значит, сон наступит не скоро. Наверное, боль мешает ему уснуть. Она подавила прилив сочувствия.

– Такого рода вывод свидетельствует о том, что ваше знание женщин весьма поверхностно.

– Вы что, специалист по моей личной жизни? – прохрипел он.

– У итальянских мужчин определенная репутация, синьор. Насколько известно нам, американкам, итальянский мужчина за все хватается, но ни в чем не преуспевает. Возможно, вы – тому наглядная иллюстрация.

Надо отдать ему должное – он не стал отвечать на ее насмешку, а лишь сказал хриплым голосом:

– Вы так и не ответили на мой вопрос.

Она не ответила, потому что у нее на то были очень важные причины. Она знала, следующий отпуск Лукки не планировался до августа, когда он собирался приехать к отцу в Милан. Сюрприз, который Гвилио готовил ему, должен был состояться в самом большом демонстрационном зале «Амальфи» в Италии.

Аннабел помнила выражение глаз Гвилио, когда он говорил о своем желании сделать сюрприз Лукке. Она ни за что не испортит их встречу, рассказав раньше времени, что знает, какой подарок он приготовил сыну.

Уставшая от ошеломляющих событий последнего часа, она закрыла глаза.

– Что вы скажете на то, чтобы нам обоим поспать, синьор? Не знаю, как у вас, но у меня завтра напряженный день.

– Вы меня заинтриговали. Какую же работу вы выполняете для моего отца? Должно быть, это что-то важное, а иначе он не поместил бы вас в дом для меня священный. – Его голос вдруг прозвучал глухо.

– Священный? – прошептала она.

– Он разве не говорил вам, что я здесь родился? И что моя мать умерла в этом доме?

О боже. А она назвала его чуть ли не взломщиком.

– Ваш отец лишь сказал мне, что ваша мать оставила ферму вам. Я понятия не имела, что это за дом.

Глава 2

Тупая пульсирующая боль разбудила Лукку. Боль тянулась от бедра к паху. Лекарство перестало действовать. Ему необходимо поскорее принять еще таблетку, пока боль не стала непереносимой, как было прошлой ночью.

Прошлая ночь...

Он провел ладонью по колючему подбородку и застонал от отвращения к самому себе.

Солнечный свет заливал комнату, и он зажмурился. Потом взглянул на часы – без двадцати одиннадцать. Он лежит один, в той же одежде, что и вчера, правда, без ботинок, которые та девушка с него сняла. Постель в полном беспорядке, а это доказывало, что ночью его мучили кошмары. Одеяло и подушки валялись на полу.

Ясно, что эта американка давно ушла и уже предупредила его отца. Лукка был уверен, что вскоре отец нагрянет с визитом. Он не удержался, и итальянские ругательства полились потоком.

Медленно перекатившись на бок, он увидел, что бутылочка с остатками таблеток стоит на тумбочке у кровати. Прошлой ночью таблеток здесь не было. Как и стакана воды рядом. По другую сторону от лампы лежала трость. Да, эта девушка не чета медсестрам в госпитале. Его отец требовал от подчиненных эффективной работы, а она, видно, обладала этим качеством.

Лукка рассчитывал пожить в доме без свидетелей, но не мог не признать, что таблетки на столике означали, что ему не придется идти на кухню и, возможно, снова упасть. Он проглотил сразу три таблетки. Бурчание в желудке напомнило ему, что он не ел со вчерашнего дня.

Окинув взглядом комнату, он не заметил вещей девушки. И шума он не услышал. Наверное, машина, о которой она говорила, уже приехала за ней. Убедившись, что он один, Лукка встал и проверил, как выдерживает его трость. То, что он упал прошлой ночью, это случайность, но, если не опираться на трость всей тяжестью, падения можно избежать.

Путешествие из ванной на кухню прошло без последствий. Вещевой мешок лежал на полу там, где он его оставил. Лукка открыл холодильник и обнаружил полно продуктов.

Этот дом принадлежал семье его матери. Они с отцом жили здесь до ее смерти. В своем завещании она оставила ферму Лукке. Когда Лукка поступил на военную службу, они с отцом поссорились и долго не разговаривали. Но Лукка знал – отец присматривает за домом.

Как странно, что отец решил поселить здесь свою новую служащую. Хотя она выразила желание остановиться в сельском доме, отец не стал бы открывать дом сына для обычной служащей. Это ведь дом, где он начинал свою семейную жизнь. Должно быть, американка занимает особое место в жизни отца и в его планах.

Поэтому-то она и не рассказала ему всего прошлой ночью. Что-то личное связывает ее и отца. Лукка не мог не отдать ей должного: она быстро пришла в себя после испуга, да и за словом в карман не полезет.

Разумеется, Гвилио отправил одну из своих служанок с виллы, чтобы приготовить все для нее здесь. Лукка запихал в рот несколько крупных виноградин из миски и стал жевать, разбрызгивая сладкий сок.

Рядом с микроволновкой стояла банка сублимированного кофе. Он предпочитал *sarrippino chiaro*³, но в армии привык и к черному кофе. Опершись о раковину, Лукка стоя пил горячий кофе и вдруг заметил движение. Сквозь застекленные до пола двери он увидел женщину – она рвала маргаритки, растущие около перил.

---

³ Крепкий кофе с молоком (*ит.*).

Ее волосы скрывала широкополая соломенная шляпа. Одета она была в белый топ. Снежно-белые брюки обрисовывали стройные бедра. На ногах – светлые сандалии, в вырезе которых виднелись матово-розовые ногти.

Он не мог оторвать от нее взгляда – белоснежный наряд в сочетании с охапкой белых лепестков, лицо, наполовину скрытое полями шляпы, весь ее облик на фоне голубого неба, сливающегося с кобальтовой водой глубоко внизу, был похож на одну из ослепительно-ярких открыток.

Она вошла через открытые двери, принесла с собой солнечный свет. Наполнив водой керамический кувшин, она поставила цветы посередине прямоугольного кухонного стола.

Его мать обычно с утра пораньше приносила в дом свежие цветы. На мгновение его охватила тоска – он вспомнил счастливые времена, которые уже не вернуть.

– Мне всегда хотелось украсить дом цветами из собственного сада. Я их принесла для себя, но вы тоже можете полюбоваться. – Она отряхнула руки, взяла со стула большую сумку из соломки и направилась к боковой двери. Бросив на него взгляд голубых, похожих на барвинок, глаз, она добавила: – За мной придут с минуты на минуту. Я пройду до дороги, так что вас никто не увидит. – И, еще не открыв дверь, задержалась и сказала: – Пожалуйста, не надо выглядеть таким мрачным, словно Атлант, держащий на плечах весь мир. Вы наверняка не такой уж угрюмый человек. Вы, разумеется, понимаете, я не имела в виду все то, что наговорила вам ночью.

– Лишь половину, – пробурчал он, допивая кофе.

– Хмм, возможно, три четверти. Когда станете делать себе еще кофе, сахар в буфете. Вам необходимо побольше сладкого. Прежде чем я уйду, скажите мне правду. Когда вас выписали из госпиталя?

Он недовольно скривился.

– О каком именно госпитале вы говорите? – Он открыл холодильник, нашел там сливу и положил в рот.

– О том, где вам сделали операцию на правом бедре. Всю тяжесть вы переносите на другую ногу и не можете найти удобного положения.

Лукка долго жевал. Выплюнув косточку в мусорное ведро в углу, он сказал:

– Вы ошибаетесь, синьорина.

– Нет, не ошибаюсь, – твердо заявила Аннабел. – Ваше лекарство все мне рассказало.

Он угрожающе сдвинул брови.

– Откуда у вас такая уверенность?

Я медсестра с опытом ухода за пациентами, которые поправляются после операций на сердце, на легких и после пулевых ранений и переломов.

Он замер. На его лице отразилась тревога.

– Что с моим отцом?

Она непонимающе посмотрела на него, удивленная тем, что он моментально сменил тему разговора.

– Нет, нет! – воскликнула она. Я не работаю у вашего отца медсестрой. Я помогаю с рекламой. Насколько мне известно, он прекрасно себя чувствует. Это вы, чье здоровье меня беспокоит, синьор. Подозреваю, что вы покинули госпиталь раньше, чем это было необходимо. Учитывая ваше падение прошлой ночью, вам нужно лечить ногу, и лечить основательно. Боль может на время утихнуть, но это не означает, что нога в хорошем состоянии.

– *Grazie* за ваше внимание.

Ей показалось, что лед между ними начал таять.

– *Prego*⁴, — ответила она. Это было одно из нескольких слов, которые она знала по-итальянски. — Еще кое-что, синьор. Я сказала Евилио, что не хочу никаких служанок и экономок, поэтому вы можете не волноваться на этот счет. После работы я вернусь, сложу вещи и уеду в гостиницу. Я не знаю точно, в какое время вернусь, но уверяю вас, что буду одна.

Она скрылась за дверью, а Лукка подумал – если ей верить, то в течение этого дня беспокоиться не о чем. Но его все же занимал вопрос: почему она не собирается его выдавать? И как долго намерена сохранять его секрет. Она хочет что-то в обмен.

Ворвавшись к незащитной женщине среди ночи, он мог испугать ее до полусмерти. Вместо этого она поменялась с ним ролями и чуть не побила палкой. Она достойна восхищения. Но он продолжал задавать себе вопрос: что она ожидает получить за то, что уступила его желанию к уединению. Может, она рассчитывает получить при его содействии продвижение по службе у отца? Какие-нибудь привилегии?

А какую игру затеял отец? Он позволяет своей предполагаемой служащей поступать так, как ей хочется, поселяет ее в доме Лукки. Не означает ли это, что она им крутит? Какую такую рекламу она делает для отца?

Отцу поздновато переживать кризис среднего возраста. Ему вполне хватает второй жены Марии. Она вышла за него спустя всего полгода после смерти матери Лукки. В том, что отец очень изменился, Лукка много лет винил ее. Но когда Лукка вырос, то понял – никакая сила не заставила бы Гвилио жениться на привлекательной вдове с двумя сыновьями, если бы он этого не захотел. Теперь эта американка – медсестра к тому же – вошла в жизнь Гвилио, и это сбивало Лукку с толка. Он нахмурился. Девять месяцев назад, когда он прилетал в Милан в краткий отпуск, чтобы повидать отца, о синьорине Марш и слышно ничего не было. Это означает, что она – недавнее приобретение в компании. Она явно пользуется доверием отца, и это ставит Лукку в невыгодное положение. Ему не нравилось, что она узнает о нем больше, чем он того хотел, но пока выбора у него нет. К тому же он чувствовал себя немного виноватым.

Лукка уселся в резное, ручной работы кресло и вытянул длинные ноги, стараясь принять удобное положение, что оказалось практически невозможно. Как она и сказала. Он вдруг поймал себя на том, что смотрит на маргаритки, которые девушка поставила в старый кувшин.

Лукка почувствовал, что надвигается сон, встал и отправился в спальню. Выдаст его синьорина Марш или нет, он больше не один в собственном доме и не может полностью расслабиться.

Надо бы позвонить отцу прямо сейчас, но боль после ночного падения становилась непереносимой. Как только таблетки подействуют, он на несколько часов отключится. А когда проснется, то – дай-то бог – боль утихнет настолько, что он сможет позвонить.

Аннабел вышла из фургончика, где с ней работали стилисты.

– *Perfetto*⁵, синьорина. Именно то, чего я хочу. Вы похожи на *margheritina*.

– Что это?

– Цветок. – Фотограф Джованни положил одну ладонь на другую и растопырил пальцы.

– А! На котором гадают: любит, не любит?

Он заулыбался:

– *Si, si*.

Аннабел не возражала, чтобы ее сравнили с маргариткой. Красивые цветы, она их нарвала рано утром, но при воспоминании о темноволосом хозяине итальянце она вздрогнула.

Встреча с ним среди ночи изменила ее представление о мужественном герое – он не совсем соответствовал той картине, которую нарисовал ей его отец. Но, очевидно, не ее вина,

---

⁴ Пожалуйста (*ит.*).

⁵ Прекрасно (*ит.*).

что она наделила сына качествами, достойными восхищения. Возможно, в нем много хорошего, но это хорошее искажено войной, откуда никто никогда не возвращается прежним.

Ее встревожила его нежелание сообщать отцу, что он уже вернулся. Хотя это не ее дело, как сказал Лукка, она не могла остаться безучастной.

– Аннабел?

– Да? – Она повернула голову.

Толстяк Базилио, один из помощников Гвилио, который привез ее сегодня утром, начал объяснять, какую позу ей следует принять.

– Мы хотим, чтобы вы сели на место водителя и откинулись назад, а руку положили вот сюда. Светит яркое солнце, вы в хорошем настроении. Потом вы увидите внизу кусочек моря. Забудьте о камере и ведите себя естественно.

Легко ему говорить – естественно. Но она ведь согласилась на эту авантюру, так что ничего другого ей не остается.

Аннабел села в черный автомобиль с откидным верхом. Она почти представила, что это машина миссис Джеймс Бонд. Черные кожаные сиденья были идеальным фоном для белой одежды. На безукоризненный вкус Марчеллы можно было положиться.

Аннабел до сих пор не решила, какой спортивный автомобиль «амальфи» ей нравится больше всего. Предыдущий в Риме, припаркованный около истребителя, был белый со светлыми, жемчужно-серыми кожаными сиденьями. Лукка оценил бы любой из них, но его восторг, наверное, не будет таким сильным после тех лет, что он летал над облаками со сверхзвуковой скоростью.

Как только она вошла в роль, Джованни надел на нее соломенную шляпу, с минуту изучал наклон полей, поправил волосы и лишь после этого начал делать снимок за снимком.

Шоссе круто спускалось к курортному городку Позитано. Когда она посмотрела вниз, то у нее дух захватило от отвесного спуска к воде. Этот великолепный, фантастический вид не поддавался словесному описанию. Здесь человек соединяется с природой.

При помощи полиции сотням машин пришлось выстроиться в один ряд из-за съемки. Хотя раздавались и сердитые крики, и гудки, но большинство туристов свистели и кричали «*squisita!*»⁶ и «*bellissima!*»⁷ и посылали воздушные поцелуи.

Она едва обращала внимание на происходящее на дороге – настолько ее захватил пейзаж. Но если сказать по правде, то из головы не выходил образ раненого итальянского летчика, который вчера ночью, когда наконец уснул, продолжал сжимать ей кисть.

Джованни объявил, что сделал все необходимые снимки, и Аннабел поспешила в фургон, чтобы снять грим и переодеться в джинсы и блузку.

Помимо спортивного автомобиля и автофургона была еще третья машина, в которой Базилио привез ее с фермы. Это – более ранняя модель синего седана «амальфи». Он отдал ей ключ, сказав, что теперь это ее машина и она может пользоваться ею, пока будет в Италии. Договорившись, что она присоединится к съемочной группе завтра утром прямо в городе Амальфи, Аннабел села в машину и последовала за полицейским мотоциклом, который помог ей занять место в потоке транспорта, направлявшегося в сторону Равелло. В заднем зеркале она увидела, как полицейский послал ей воздушный поцелуй. Аннабел улыбнулась – итальянские мужчины верны себе, они всегда открыто показывают свое восхищение женщинами. Они веселые. Исключение составляет лишь Лукка Каведзали. Она сдвинула брови – ей нужно заранее подготовиться к суровому приему, который ее ждет по возвращении.

---

⁶ Изысканная (ит.).

⁷ Красивая (ит.).

Она видела его пузырек с таблетками – он почти пуст. Это лекарство – очень сильное болеутоляющее, его назначают после операции. То, что он упал прошлой ночью, вдвойне для него опасно.

По пути на ферму Аннабел сделала две остановки. Одну – в пиццерии, а другую – в *gelateria*⁸, в двух шагах от уютной на вид гостиницы, где оказался свободный номер. Ее все там устроило: близко от основного шоссе, за комнату на две недели можно расплатиться кредитной карточкой.

Аннабел насладились восхитительным лимонным мороженым, потом позвонила родителям, оставив сообщение на автоответчике – поскольку между Италией и Калифорнией большая разница во времени и они уже ушли на работу, – что уехала из Рима и сейчас живет в Равелло. Аннабел, младшая из троих детей, знала, что родители волнуются за нее. Такова участь родителей.

Знакомая боль прострелила ее, потому что она не познала счастья иметь ребенка. Но она быстро поборола уныние. Да и как может быть иначе, когда ее окружают такие красоты! Она старалась не думать о хозяине фермы, который едва не довел ее до сердечного приступа. Гвилио боготворит сына, хотя очевидно, что между ними произошел какой-то конфликт, и это вынудило Лукку скрыть свой приезд. Аннабел не собиралась выяснять причину. Не хватает еще оказаться затянутой в разборки между отцом и сыном.

Не важно, как поступит Лукка, но завтра она скажет Гвилио, что ферма все же находится в очень изолированном месте и она нашла неподалеку гостиницу, которая ее устраивает. Лучше быть подальше от этой сомнительной ситуации. Лукка сам решит, как и когда ему общаться с отцом. У него был целый день, чтобы все обдумать.

Она подъехала к ферме и припарковала машину. Сгущались сумерки. Теплый, наполненный ароматными запахами воздух вкупе с надвигавшейся темнотой создавал атмосферу сказки. Но стоило ей открыть дверь на кухню, как грубая реальность все разрушила – перед ней стоял мужчина с перекошенным от боли лицом и держался за кухонный стол.

– Вам необходимо поехать в больницу.

– Мне необходимы таблетки, – хрипло уточнил он.

– Почему, скажите на милость, вы не позвонили отцу?

– Я собирался появиться у него сегодня утром, но падение вывело меня из строя. Предпочитаю увидеться с ним, когда не корчусь от боли.

Ясно, что конфликт между ним и отцом серьезнее, чем она предполагала.

– Мне дали в пользование машину, и я куплю вам лекарство, если скажете, где здесь аптека.

– Я должен сам это сделать.

– Я вас отвезу – вы не в состоянии сидеть за рулем. – Она взяла со стола трость и передала ему. – Идите впереди.

Аннабел вышла за ним, заперла дверь и побежала к машине. Он с трудом сел – скорее лег – на заднее сиденье. Она захлопнула дверцу и села за руль.

– Вы прячетесь или вам так удобнее для ноги?

– И то и другое. Езжайте по дороге в Салерно, – сквозь зубы процедил он. – В семи милях отсюда на *Piazza Municipio*⁹ есть *farmacia*¹⁰.

Выехав на шоссе, Аннабел спросила:

– Что вы стали бы делать, если бы я не приехала?

---

⁸ Кафе-мороженое (*ит.*).

⁹ Городская площадь (*ит.*).

¹⁰ Аптека (*ит.*).

– Я уже собрался вызвать такси, когда услышал, как подъехала машина. – Он сел – видно, больше не опасался, что его узнают, раз они выехали на автостраду.

Аннабел точно следовала его указаниям, чтобы доехать до Салерно. Движение было очень интенсивное, и она не могла увеличить скорость. Наконец она притормозила у магазина.

– Приехали. – Но никакой аптеки рядом не было.

– Никуда не двигайтесь с этого места. Если повезет, я не натолкнусь ни на кого из знакомых.

Возможно, и не натолкнется, но не заметить его невозможно. Высокий, крепкий, он в любой одежде привлекает внимание, даже в бежевых штанах из хлопчатобумажного твила и малиновой рубашке поло, которые сейчас на нем. А в военной форме он точно неотразим.

Она заметила, что с тростью он двигается достаточно быстро. Пока она ждала его, зазвонил мобильный. На дисплее появилось имя Каведзали, и Аннабел почему-то стало неловко. Ответить или нет? Если не ответить, то Евилио разволнуется.

– Привет, Евилио. Как вы?

– *Molto bene*¹¹, Аннабел. Базилио сказал, Джованни в полном восторге от сегодняшних фотографий.

– Замечательно.

– Я завтра приеду в Амальфи. У меня появились кое-какие новые идеи относительно съемок.

– Буду очень рада вас увидеть.

– Вам удобно в доме? Что-нибудь нужно?

Надо сейчас же ему сказать.

– Дом – мечта, но оказалось, я очень устаю после съемок, и готовить мне не хочется. Поэтому я договорилась с гостиницей «*Casa Claudia*»¹² и остановлюсь там. Рядом полно потрясающих кафе.

– Это хороший семейный пансион, хоть и небольшой. Я с самого начала боялся, что на ферме вам будет одиноко.

– Вы оказались правы. Мне очень жаль, что причинила вам столько хлопот. Пожалуйста, не надо никого присылать, чтобы убратся в доме. Я все сделаю сама, а ключ отдам вам позже.

– Я рад, что вы передумали.

Да, она передумала. Передумала из-за Лукки.

– Я обожаю итальянскую кухню. Кажется, я съела бы все блюда, если бы не опасалась не влезть в платья, которые Марчелла для меня выбрала.

Она услышала, как Гвилио смеется. И в эту минуту к машине вернулся Лукка. Она включила громкую связь. Ей совсем не хотелось, чтобы Лукка подумал, что она разговаривает с отцом за его спиной. Может, услышав отцовский голос, он все же решится связаться с ним.

– Аннабел, не забудьте о приеме, который я устраиваю через неделю. Там будут самые влиятельные итальянские торговые агенты. Я решил устроить им предварительный закрытый просмотр, чтобы разжечь их аппетиты перед главным запуском. – Гвилио не мог скрыть волнения.

Аннабел была готова отключить телефон, если он начнет говорить что-нибудь, что выдаст его «тайну».

– Я знаю, как много это для вас значит. Постараюсь изо всех сил.

Я в этом не сомневаюсь. Я вам сказал, что на следующей неделе прилетает Мел Джардин? Он без вас скучает.

– А я без него. – Аннабел стало тепло на душе. – Но не скрою, мне здесь очень нравится.

---

¹¹ Очень хорошо (*ит.*).

¹² «Пансион Клаудии» (*ит.*).

– Рад слышать. Неужели это означает, что вы пересматриваете мое предложение? – с надеждой спросил он.

– Нет. Это означает, что я обычная женщина, которая получает больше удовольствия, чем того заслуживает.

– Вы заслужили это удовольствие после того, что вы пережили. А теперь спокойной ночи. Увидимся завтра.

– Гвилио, спасибо за все. *Ciao*.

Закончив разговор, Аннабел обернулась и встретила с непроницаемым взглядом Лукки. Свет из магазина отражался у него в зрачках, которые казались серыми с зелеными крапинками. Какие красивые и необычные глаза.

Молчание затягивалось, и ей сделалось неловко.

– Вы ждете, когда приготовят лекарство по рецепту?

– Нет. Я уже его забрал, принял и готов ехать, если вы готовы.

Видно, от того, что его ждет скорое избавление от боли, он проявил к ней вежливость. Неужели можно надеяться даже на благодарность? Аннабел завела мотор и, ничего ему не сказав, поехала в сторону Равелло.

– Отец был явно возбужден.

Вы и не представляете себе, Лукка, как он возбужден. А вслух она произнесла:

– У меня создалось впечатление, что он всегда такой.

– Вы, вероятно, слышали о непоколебимом характере и неотразимой силе? Мой отец воплощает и то и другое, – с раздражением заметил он.

Аннабел тут же представила себе Гвилио, излучающего энергию и такого приятного в общении. Но она – не его сын, живущий с ним с рождения. И у сына свои суждения по этому поводу.

Она хотела было спросить, не надо ли ему что-нибудь купить по дороге, но передумала. Он молчит, значит, не стоит его спрашивать.

От такого угрюмого поведения кому угодно сделается не по себе, но она уже успела кое-что о нем узнать и, несмотря ни на что, жалела его. Он – не обычный человек, он выполнял свой воинский долг, привык принимать мгновенные решения, чтобы сразить противника, а самому остаться в живых. К тому же надо учитывать ранение, которое заставило его неожиданно вернуться домой. Она подумала о том, что не в его характере показывать, что он в ком-то нуждается. Вероятно, он слишком горд и будет избегать суеты вокруг себя. Аннабел это понимала и сожалела о том, что оказалась в его доме прошлой ночью. Раненый летчик имел право вернуться домой и без лишних глаз справиться со своими бедами.

Она оказалась не в том месте и не в то время. Гвилио не мог этого предусмотреть – он хотел устроить ее как можно лучше.

Аннабел стало стыдно, когда она вспомнила те жестокие слова, которые наговорила Лукке. Она излила на него всю ту брань, которую заслужил Райан. Он частенько возвращался домой поздно ночью после вечерних обходов в больнице. Вернее, она думала, что это были вечерние обходы. А он был тогда с женщиной, его теперешней женой. И у них ребенок. Ребенок, которого должна была родить Аннабел. Ребенок, которого они не могли, по словам Райана, завести до тех пор, пока он не откроет собственную практику.

Слова, брошенные в лицо Лукки прошлой ночью, были направлены в ложную цель. При первой же возможности она извинится перед Луккой.

Они подъехали к дому, и ей показалось, что он заснул. Она открыла заднюю дверцу и окликнула его, но ответа не последовало. Если бы он не полулежал в неудобной позе, она оставила бы его в машине на ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.